

УРОКИ ДВУХ СУДЕБ

Леонид Зорин. «Старая рукопись». Роман. №№ 8—9, 1980.

ВЕРОЯТНО, есть какая-то еще не вполне познанная закономерность в том, что представители других литературных жанров на определенной стадии своего творчества приходят к прозе. Быть может, проза привлекает возможностью большей полноты самовыражения или специфика материала, своеобразия опыта диктуют необходимость смены не только формы, но и самого жанра, но так или иначе мы все чаще встречаемся с прозаическими дебютами поэтов и драматургов.

Один из них — публикация романа Леонида Зорина «Старая рукопись». Много, очень многое в этом произведении напоминает Зорина-драматурга: и мастерское владение искусством строить сюжет, и прицельная точность каждой реплики, редкая эмоциональная убедительность метафор и эпитетов, и, наконец, предельная концентрированность мысли, высокая философская насыщенность текста. На последнем хотелось бы остановиться особо, ибо есть основания полагать, что эта особенность становится одной из существенных примет литературного процесса наших дней.

Не так давно Юрий Бондарев уверенно предрек, что «мы находимся в преддверии нового вида романа, нравственно-философского, кровеносные сосуды которого составит изобразительно-мыслительная ткань». На перспективность этого вида литера-

туры, его особую роль в современной жизни, силу и долговременность его воздействия на читателя в отличие от остросюжетных «злободневных», но не отличающихся подлинной философской глубиной произведений обращал внимание и Чингиз Айтматов в недавнем выступлении на страницах «Вопросов литературы».

Думается, что сложность и многогранность социально-политических и экономических процессов современности, культурной жизни наших дней, с особой силой выдвигающих проблемы завтрашнего дня человечества, связи и преемственности прошлого и будущего, требуют глубины проникновения в нравственный смысл исторического опыта, чрезвычайной философской емкости осмысливания сегодняшних явлений жизни.

Личный творческий опыт драматурга Леонида Зорина, как мне думается, весьма созвучен указанной выше тенденции времени. И это вновь проявилось в его первом романе.

Сюжет, разворачивающийся в двух пластах, — история жизни рассказчика, приезжающего спустя много лет в родной город, и странная, во всяком случае необычная судьба талантливого историка Ивана Мартыновича Каплина — построен таким образом, что без всякого ущерба для чисто фабульной занимательности позволяет сделать философское осмысление событий давнего прошлого и сегодняшней

жизни главным инструментом своего развития.

Оценку себя, своей личности, своей роли в окружающей жизни герой романа как бы сверяет с судьбой, с необъяснимыми на первый взгляд поступками Ивана Мартыновича. И если сначала жизнь историка Каплина была для героя, журналиста столичной газеты, не более чем обычным редакционным заданием, темой очередного выступления, не слишком к тому же вдохновляющего, то по мере проникновения в эту жизнь, по мере все более глубокого знакомства с незаурядной личностью покойного ученого перед героем властно встают вопросы отношения к судьбе Ивана Мартыновича, оценки его поведения, определения его правоты или неправоты. А поскольку изучение обстоятельств жизни Каплина происходит на фоне собственных переживаний героя, связанных с посещением города его детства и юности, из которого он уехал когда-то в столицу, чтобы скзать свое слово и занять свое место в манящем своей неизведанностью и грандиозностью далеком мире, мысли и чувства одного как бы накладываются на мысли и чувства другого, а нечто совпадая, а в чем-то вступая в непримиримые противоречия.

Пожалуй, главный вопрос, который интересовал ученого, заключался в том, как избавиться от своей зависимости от мира, от времени, как преодолеть все, что, включая в себя элементы отношения к истории, отно-

шения, определяемого убеждениями и эмоциями, темпераментом и воображением, препятствует, по его мысли, подлинной беспристрастности исторических исследований. Стремясь к такой беспристрастности, Каплин разорвал почти все свои общественные связи, сузил свой мирок до крайних пределов, изгнал из своей жизни не только все общественное, но и все личное и... разрушил свой яркий, самобытный талант, по существу, так и не создав ничего из задуманного. Ему казалось, что темперамент публициста и творческое воображение писателя мешают стерильной чистоте научного инструментария, а многообразие общественных связей и обязанностей отвлекает от исполнения научного долга, вносит в жизнь nepозволительную суету, рождает карьеризм и тщеславие. Он похоронил себя в почти патриархальной тиши родного городка, предуготовив к «священной жертве». Но она состоялась и, как очень тонко, без малейших признаков прямолинейной назидательности показывает Л. Зорин, не могла состояться, так как произошло незаметное, но закономерное саморазрушение личности творца.

Внутренняя дискуссия с Каплиным, которую с большим интеллектуальным и нравственным напряжением ведет герой романа, приводит и его к важному духовному прозрению:

«...нужно не бояться быть смешным и участвовать в том, что истории и потомству, воз-

можно, и покажется преходящим. Это и есть жизнь. И другой не надо... Каждая весна должна узнать свое лето, всякая юность должна пройти через свой шторм мира».

На первый взгляд этот вывод может показаться мелковатым, для духовного прозрения. Но — только на первый взгляд. Ведь далеко не каждый из нас становится тем, кем мечтал стать в детстве. Далеко не каждому удается достичь тех заветных вершин, которые приносят признание и славу. Все ли выдерживают испытание несбывшейся мечты, обманутых надежд? Все ли умеют находить себя в скромном подвиге повседневного честного служения долгу, именно в нем, чаще всего не сулящем ни крупных открытий, ни громкой славы, видеть высокий смысл своей жизни, быть по-настоящему счастливым от сознания не исключительности своей, а простой полезности, нужности, причастности к тому, что совершается миллионами?

Герой романа Л. Зорина в момент нашего знакомства с ним этого не умел. К постижению непростой мудрости этого открытия приходит он в финале романа.

Нравственно-философский смысл первого прозаического произведения Леонида Зорина не сводится лишь к сказанному выше. Он и глубже, и шире. Но главное в романе — уроки двух судеб несомненно станут предметом пристального читательского внимания.

Юрий ИДАШКИН